

© А.А. Ярлыкапов

**"НАРОДНЫЙ ИСЛАМ" И МУСУЛЬМАНСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА***

Ислам – одна из традиционных религий России. Его история на территории нашей страны сопоставима с историей православия, поскольку первые мусульмане появились в Дербенте еще в первом веке существования ислама. Именно Кавказ на протяжении многих столетий является одним из центров распространения ислама со своеобразной культурой, основанной на местных традициях. Сегодня, когда все более усиливающаяся мобильность населения страны привела к проникновению кавказских мусульман на территории, где прежде преобладал так называемый татарский ислам, некоторыми его лидерами и идеологами даже ставится вопрос о локальных формах российского ислама, опирающихся на разные традиции (см., напр.: *Валиулла* 2005; изложение позиции части официальных татарских религиозных деятелей можно найти в интервью ректора Нижегородского исламского института Дамир-хазрата Мухетдинова: *Кавказ* 2005). Да и в целом многие проблемы Северного Кавказа и России в целом неожиданно обрели исламское звучание. Все это обусловило всплеск интереса к этой религии, в том числе и со стороны научного сообщества, ранее в силу разных причин вынужденного концентрировать свое внимание на "домонотеистических" верованиях. Этнографы сумели за короткое время накопить достаточный материал о конкретных формах бытования ислама на территории бывшего Советского Союза, который все еще требует серьезного осмысления.

Одна из проблем, тесно связанных с вопросом о формах бытования ислама на территории Северного Кавказа, – это проблема конфронтации между исламской молодежью и представителями старшего поколения, носителями так называемого традиционного ислама. Термин "традиционный ислам", несмотря на достаточно широкое его употребление, к сожалению, не имеет сколько-нибудь единого наполнения даже в пределах относительно небольшого Северного Кавказа. Например, в Дагестане, Чечне и Ингушетии под традиционным исламом понимается, как правило, местная форма суфизма (тарикатизм), в то время как в Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, Ставропольском и Краснодарском краях традиционный ислам имеет мало общего с суфизмом. Да и в целом вопрос о традиционности в исламе достаточно дискусионен.

Если задумываться о критериях традиционности ислама на Северном Кавказе, то встает в первую очередь вопрос о точке отсчета: какой ислам здесь традиционен? Тот, что бытовал до революции? Или тот, что дожил до начала "перестройки" в виде так называемого советского ислама? Если так, то почему с наступлением "перестройки" началось "возрождение ислама", и что, собственно говоря, возрождалось?

Я в своей статье не ставлю задачу разрешить названные выше дискуссионные вопросы. Было бы весьма продуктивно устроить с коллегами-исламоведами их обсуждение в рамках отдельной научной дискуссии. Цель данной статьи – осветить формы бытования ислама на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа. Для того чтобы не путаться в сохраняющейся до сих пор терминологической неразберихе, договоримся о базовых терминах и понятиях, которые будут использоваться в статье.

Ахмет Аминович Ярлыкапов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 03-01-00013а).

О терминах

Предмет исследования в данной статье составляет ислам, разные формы его бытования. Под исламом понимается весь комплекс религиозных верований, представлений и обрядов, бытующих в народе и воспринимаемых им самим как вполне соответствующие мусульманскому вероисповеданию. Таким образом, представление об "исламскости" или "неисламскости" тех или иных верований и обрядов целиком зависит от подходов самих носителей ислама в регионе. Ввиду уже упомянутой выше проблематичности использования термина "традиционный ислам", я буду говорить о "народном", или "бытовом", исламе, который обычно и считается "традиционным". Первым мысль о разграничении "народного живого оформления ислама" и "богословского ислама" высказал еще И. Гольдциэр (см.: *Гольдциэр* 1938: 109). Видимо, эта точка зрения восходит ко взглядам большинства исследователей средневекового христианства, которые также делили его на "книжное" ("ортодоксальное") и "народное". Среди отечественных исследователей утвердилось понимание "народного" ислама как результата "сложного переплетения в простонародном сознании пласта местных религиозных и фольклорных представлений, с обрядами и вероучением ислама" (*Рамазанов, Бобровников* 1995: 132). В этой связи отметим, что высказывались даже мнения о том, что различаются ислам "в теории", сохранявший в той или иной степени чистоту своего учения, и ислам "в быту", где отклонения от "теории" были обычным явлением (*Шихсаидов* 1969: 76). Несмотря на все отклонения от "ортодоксии", именно народный ислам, по мнению исследователей, является той самой основой, способствующей стойкому сохранению исповедуемой религии (*Кефели-Клай* 2005: 539).

Широко распространившееся на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа молодежное исламское движение в статье называется *новым исламским движением*. Термин "новое исламское движение" имеет свои истоки в Кабардино-Балкарии. Именно здесь зародилось меткое название "новые", или "молодые", мусульмане, обозначавшее преимущественно молодых людей, которые по своим убеждениям и вероисповедной практике несколько отличались от остальных, называвших себя "традиционными" мусульманами¹. Зародившись в среде самих мусульман, это разделение отражало реально существующие культурные различия между двумя указанными группами верующих.

Третье течение, распространенное также в основном среди молодежи, но отличающееся от нового исламского движения, получило среди самих мусульман название *ваххабитского*. Термин "ваххабизм" на сегодня, пожалуй, самый расплывчатый. Именно в силу этого он оказался удобен для применения в полемике. В пылу спора можно обвинить своего оппонента в ваххабизме – это верный способ дискредитировать его, не прилагая усилий для обоснования своих обвинений. Весьма часто ярлык "ваххабиты" незаслуженно навешивается на новых мусульман; данная практика сломала судьбы многим молодым людям. В силу неоднозначности термина "ваххабизм" мне хотелось бы особо отметить, что крайние группировки я буду характеризовать как экстремистские, естественно, обосновывая, почему они таковы. Полностью отказаться от термина "ваххабизм" невозможно, поскольку он уже укоренился. Для того чтобы читатель понимал, о чем идет речь, я буду стараться подчеркивать, что разговор идет именно об особом явлении, которое можно назвать "кавказским ваххабизмом".

Статья основана на материалах полевых этнографических исследований, проведенных на территории Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в 2000–2005 гг. География включаемых в данную статью полевых материалов охватывает также и географию исламских общин, к которым относятся описание и основные выводы статьи.

Народный ислам и новые мусульмане

Народный ислам в рассматриваемом регионе характеризуется определенным единством. Оно базируется на том, что ислам здесь распространялся в основном из общих центров в рамках ханафитской богословско-правовой школы суннизма, наиболее лояльной к народным традициям и обычаям (*урф*, или *адат*). Новое исламское движение также распространилось в примерно одинаковых формах, и их можно описать параллельно, касаясь главных проблемных точек в их взаимоотношениях.

Шахада. Признание единства и единственности Бога и пророческой миссии Мухаммада, являющееся первым столпом ислама и формально дающее человеку право считать себя мусульманином, присуще подавляющему большинству адыгов, абазин, балкарцев, ногайцев, карачаевцев, и в этом смысле они на самом деле являются мусульманами. Каждый из них знаком с формулой шахады и понимает ее смысл. Более того, подавляющее большинство, за исключением неверующих (а иногда парадоксальным образом и включая некоторых из них), признает и принимает ее. Последний факт позволяет нам говорить о представителях перечисленных народов как о мусульманах (безотносительно оценочных суждений о "слабом", "плохом" их мусульманстве и т.д.), как о народах, чья культура немыслима без исламской ее составляющей.

Намаз. Совершение пятикратной молитвы – важный показатель принадлежности человека к исламской умме. Именно поэтому тех, кто приходит к исламу, в первую очередь начинают обучать тому, как совершать намаз. Однако на Северо-Западном Кавказе, где атеистическая пропаганда в советские годы оказалась наиболее действенной, ситуация не воспринимается однозначно. Значительная часть населения здесь не совершает пятикратный намаз. Во многих аулах таковых – подавляющее большинство. Половозрастной состав тех, кто совершает предписанные Кораном молитвы, неодинаков. Например, в ауле Хатукай Красногвардейского р-на Республики Адыгея молящиеся – почти все пожилые, да и среди них большинство – это женщины. Однако и остальных они считают мусульманами, несмотря на то, что те не исполняют установленную в Коране обязанность мусульман (ПМА 1). Большое число людей, пренебрегающих обязанностью совершения пятикратной молитвы – один из признаков народного ислама в регионе.

Малое омовение – *тахара* (адыг. *амдез*, карачаево-балкар. *абдест*, ногайск. *даьрет*) – сегодня многие уже не только в городах, но даже в аулах совершают в ванной комнате, под краном. Это характерный признак модернизированности региона в бытовом плане. Специальный кувшин для омовений (*кьубгъан*, *кьумгъан*) и тазик во многих семьях в Адыгее, Черкесии и Кабарде хранят просто по традиции, однако не используют по прямому назначению. Балкарцы, карачаевцы и ногайцы достаточно широко ими пользуются. Есть даже особые правила употребления тазика и кувшина: например, если последний предназначен и для омовения, и для подмывания в туалете, он должен быть обязательно с крышкой. Открытый сосуд в таких случаях уже не следует брать для совершения омовения (ПМА 2). Дома молятся обычно на молитвенном коврике (адыг. *нэмазыкь*, ногайск. *намазлык*), многие – с четками (адыг. *нэмаз щыгъ*, карачаево-балкар. *мынчакъ*). Последние, как правило, лежат на почетном месте в доме, у карачаевцев на случай прихода гостей хозяин может держать до 10 четок (ПМА 2). По поводу четок у молодых мусульман существует мнение, что желательно обходиться без них, а считать упоминания Бога пальцами правой руки. Они мотивируют это тем, что некоторые представители старшего поколения превращают четки в предмет поклонения, почтительно целуют их. Многие молодые мусульмане в мечети считают поминовения Бога на пальцах (ПМА 3). Четки используют, таким образом, прежде всего люди старшего поколения, некоторые даже приносят их с собой, хотя в мечети имеется какой-то их запас.

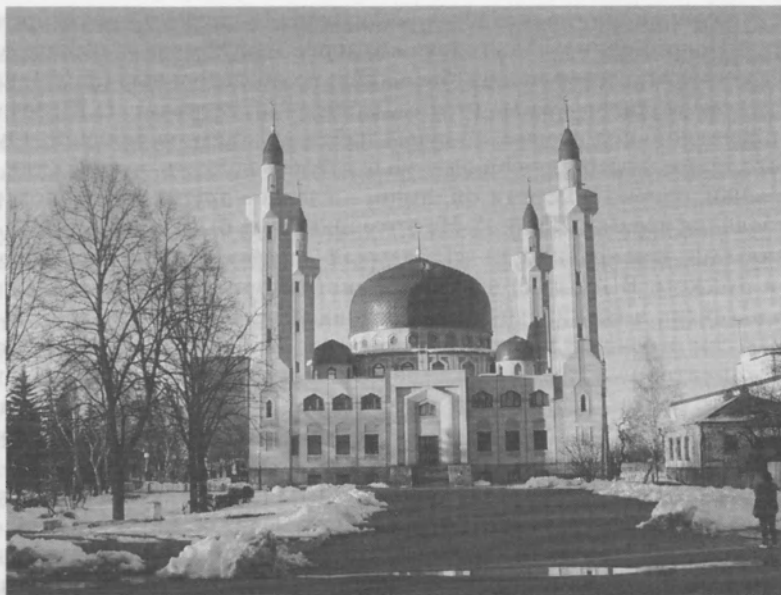
Намерение (*ниет*) перед молитвой произносится на родном языке, как и молитвы-просьбы (*дуа*) после намаза. В некоторых мечетях, где велико число лиц преклонного возраста, как, например, в Кошехабле (Адыгея), в молитвенном зале есть достаточно стульев. Поскольку некоторые пожилые мусульмане не могут совершать земные поклоны, им разрешается имитировать их сидя на стуле. В принципе молитву может совершать даже полностью обездвиженный человек, имитируя поясные и земные поклоны движением глаз.

Пятикратная мусульманская молитва – один из важнейших исламских обрядов, достаточно четко маркирующих мазхабовые различия между мусульманами. Намаз в силу частоты исполнения и желательности, а по пятницам обязательности совместного исполнения наглядно демонстрирует эти различия, вызывая недоумение у не очень грамотных верующих. Сегодня во многих общинах региона молятся, как правило, последователи двух основных на Северном Кавказе суннитских мазхабов – ханафитского и шафиитского. Ханафитами традиционно были коренные жители, а шафиитами – чеченцы, ингуши и дагестанцы. Однако во многих регионах Центрального и Северо-Западного Кавказа (преимущественно ханафитского), в значительной степени потерявших традиции исламского культа, практически происходило не возрождение, а воссоздание ислама, т.е. повторная исламизация. В какой форме это воссоздание шло, часто не зависело от прежних, уже утерянных традиций. Стоит также отметить, что процесс этот не был упорядочен и не исходил из одного центра. Люди получали сведения об исламе, в том числе о порядке исполнения намаза, из разных источников, от проповедников разных школ. Так получилось, что люди, сами не подозревая об этом, учились совершать исламские обряды по правилам разных мазхабов. В итоге среди северокавказских мусульман наблюдается разнობой в порядке исполнения намаза. При этом следует все же признать, что основная масса совершающих намаз мусульман здесь придерживается порядка, определенного ханафитским мазхабом.

Небольшая часть адыгейцев, кабардинцев, ногайцев, карачаевцев исполняет намаз по-шафиитски. Зачастую это бывает неосознанно, просто их так научили. Как правило, тут сказывается влияние мусульман из Дагестана или Чечни. Однако есть случаи, когда молодые люди сознательно придерживаются шафиитского обряда. Например, имам мечети аула Тахтамукай (адыгеец, бжедуг) все обряды исполняет по-шафиитски и, естественно, делает это осознанно, мотивируя тем, что большинство *джамаата* мечети – шафииты. Об утверждении шафиитского мазхаба в тахтамукайской мечети свидетельствует такой красноречивый факт: перед совместными молитвами (обычно утренняя, ночная и пятничная) тут звучит шафиитская одинарная *икама*², в отличие от двойной ханафитской (ПМА 1).

Интересно, что в Адыгее удалось избежать разногласий на почве мазхабовых различий, в отличие, скажем, от Кабардино-Балкарии (Бабич 2003: 86–87). Конечно, у старшего поколения вызывает глухой ропот обычай совершать молитву без головных уборов, практикуемый частью молодежи. Но молодых людей в данном вопросе поддержал муфтий Нурбий-хаджи Емиж, совершающий намаз без головного убора. Старики не решаются открыто критиковать молодежь за отсутствие головного убора, поскольку та всегда имеет возможность сослаться на пример муфтия. Последний же отмечает, что молиться без головного убора допустимо, поскольку нигде в Коране нет требования покрывать голову во время молитвы (ПМА 1).

Относительно бесконфликтное решение проблемы мазхабов, неизбежно возникающей на этапе прихода людей к исламу, во многом обусловлено позицией, занимаемой исламскими лидерами. Сейчас многие верующие, как правило, не знают, что они – ханафиты. Исламские руководители пытаются просвещать людей, объясняют им правила их мазхаба, подчеркивая при этом, что между мазхабами различий очень мало. Наиболее четкое следование правилам ханафитского мазхаба в совершении

Соборная мечеть г. Майкопа. Фото автора, 2004 г.

намаза характерно для адыгских репатриантов. Например, порядок совершения совместных молитв у "косовских" адыгов идентичен тому, что сложился у ханафитов на территории бывшей Османской империи, поскольку религиозное влияние исходило из Турции и религиозные деятели обучались там же (ПМА 1).

Подобные проблемы характерны также и для самой многочисленной на Северо-Западном Кавказе (после "коренной") восточнокавказской общины (чеченской и примыкающих к ней ингушской и дагестанской). Она характеризуется значительной степенью закрытости, что обусловлено различными факторами, в том числе и тем, что чеченцы, ингуши и дагестанцы находятся здесь на положении гостей. Как правило, чеченцы и дагестанцы (в основном аварцы, даргинцы и представители андо-цезских народов) составляют почти половину, а иногда и больше половины джамаата на совместных и пятничных молитвах в мечетях Майкопа, Адыгейска, Тахтамукай и других аулов, расположенных близко к Краснодару (там нет мечети, и мусульмане по пятницам едут молиться в Адыгею). Во время намаза мне не раз приходилось наблюдать полный разноречивость в деталях исполнения молитвы чеченцами, особенно молодыми. Они иногда перенимают многое от ханафитов. Однако их можно узнать по характерным признакам: иногда держат руки на сердце, складывают пальцы правой руки в кулак, пусть нерегулярно, но поднимают руки во время такбиров. Иными словами, молодые чеченцы при совершении молитвы смешивают элементы, характерные для ханафитов и шафиитов. Последовательное выполнение правил шафиитского мазхаба характерно для старшего поколения (ПМА 1).

Джума-намаз (обязательная пятничная молитва в мечети с проповедью) проводится почти во всех населенных пунктах. В городах по пятницам обычно собирается много людей. Например, в майкопской мечети бывает около 700–800 человек, в том числе примерно 100 из них – женщины. В остальных населенных пунктах по пятницам в мечети собирается мало людей, редко когда их число доходит до 40 человек (в среднем 15–20). Во многих мечетях региона сохраняется обычай "из уважения" уступать первые ряды для пожилых людей, что, однако, неодобрительно воспринимается имамами и частью молодежи, особенно в Кабардино-Балкарии.

Старшее поколение иногда пытается устанавливать также и противоречащие исламу порядки. Например, в г. Адыгейске пожилые мусульмане пытались ввести порядок, когда совместно совершались бы не только обязательные (*фарз*), но и желательные (*суннет*) молитвы. Имам мечети, молодой репатриант из Югославии, был поставлен в неловкое положение, но сумел найти правильное решение. Он ответил старикам, что за пределами мечети он – адыг и будет слушать старших так, как того требуют обычаи, однако в мечети он, имам, – главное других, и законом тут будет только требования ислама (ПМА 1). На этом проблема была исчерпана.

Хутба читается, как правило, на трех языках – арабском, языке преобладающего населения и русском. В Адыгее, например, иногда имам читает проповедь на адыгейском (Адыгейск), а специальный переводчик переводит на русский. В Майкопе молодой имам сам переводит проповедь на русский язык (ПМА 2). Из-за многонациональности джамаатов необходимость перевода существует практически во всех мечетях Адыгеи и городах других республик. Таким образом, на Северном Кавказе русский язык является уже полноправным языком богослужебной практики наряду с арабским и местными языками.

Интересно, что чеченцы и дагестанцы (шафииты), хоть и выполняют пятничный намаз совместно с ханафитами, однако после него вслед за своим имамом совершают еще и полуденный намаз. Это, как правило, люди пожилые, придерживающиеся суфийских традиций. Чеченская и дагестанская молодежь (почти на 90% находящаяся вне суфизма), по всей видимости, такую практику не одобряет, но открыто против этого также не выступает (ПМА 1, ПМА 2).

Посещение мечети женщинами. У ханафитов Северного Кавказа женщины традиционно не посещали мечеть. Считалось, что им лучше молиться дома. Однако сегодня женщины стараются активно посещать мечеть. Практически во всех республиках региона они мотивируют посещение мечети необходимостью воспитывать детей, для чего им следует приобретать знания по исламу на пятничных хутбах (ПМА 2). А работница соборной мечети в Майкопе упомянула еще один повод для посещения мечети: желание получить *27 псапа*, т.е. 27-кратное вознаграждение за молитву в мечети (ПМА 1: С. Евтых). Сегодня практически все мечети оборудованы огороженным уголком, предназначенным для женщин. В больших зданиях мечетей для женщин обычно предназначены балконы на втором этаже. Ни в одной из мечетей эти места не пустуют.

Для новых мусульман исполнение обязанности по совершению пятикратной молитвы является признаком, который отличает мусульман от неверующих. Они говорят о себе как о "молящихся" мусульманах, тем самым подчеркивая важность молитвы в идентификации себя как мусульманина (ПМА 2, ПМА 3).

Пост. Пост в месяц рамадан (*ораза*) – третий столп ислама. Как правило, он является наиболее полно и массово исполняемым столпом. На Северном Кавказе постятся многие, в том числе и те, кто намазов не совершает. В некоторых населенных пунктах Центрального и Северо-Западного Кавказа число постящихся достигает 60–70%, а у балкарцев и карачаевцев в аулах может достигать и почти 100% – особенно много среди них молодых людей, не совершающих намаз (ПМА 2). Естественно, встает вопрос о том, засчитывается ли пост без намаза или нет. Все духовные лидеры считают, что ни в коем случае нельзя говорить верующим, что без намаза пост не засчитывается. По их мнению, у намаза свой счет, у поста – свой. Тем более что в советское время верующие не имели возможности молиться, а могли только держать пост. Они привыкли к этому, а потому таким людям можно поститься без совершения намаза.

Многие пожилые информанты живо вспоминают о тех преследованиях, которым они подвергались в советские времена во время поста. По их рассказам, тогда верующих людей заставляли есть и пить как в школе, так и на работе. Прямо на уроке

школьникам приносили воду и заставляли пить. Директор школы мог вызвать к себе ученика, о котором известно, что он постится, и заставить пить воду (ПМА 2, ПМА 4). Интересно, что верующие по-своему боролись против такого грубого нарушения своих прав и свобод. Как рассказывала нам одна женщина в Адыгее, "воду пили, а потом украдкой выплевывали, если не могли выплюнуть, глотали, но все равно продолжали держать пост, считая, что насильно выпили воду, и это не нарушает поста" (ПМА 1).

Большую популярность поста объясняют также и тем, что пропущенные намазы ни за какие деньги не выкупить, а пропущенные посты родственники якобы имеют возможность возместить.

Перед тем, как поститься, обычно совершают полное омовение (*гусль*), произносят *ниет* (намерение поститься); в Адыгее принято также печь *щэлям*, чтобы "исходил запах". По мнению информантов, этим запахом насыщаются покойники. Примечательно, что молодые имамы не рекомендуют придерживаться такого обычая, считая, что в этом нет пользы (*псапын*) (ПМА 1). В течение всего месяца поста верующие совершают *таравих-намаз* (карачаев. *трапы-намаз*) – обязательную молитву из 20 ракатов, которую предписано совершать коллективно вместе с ночной. В аулах иногда бывает очередь из хозяев, желающих пригласить сельчан на таравих и последующее угощение (ПМА 2). Особыми обрядами и молитвами в мечети сопровождается также и так называемая ночь предопределения (адыг. *къадыр клец*).

Закият аль-фитр (адыг. *фытыр*; кабард., ногайск., карачаево-балкар. *битир*), выплачиваемый после уразы от всех членов семьи, независимо от возраста, у адыгейцев и кабардинцев принято раздавать еще до окончания поста. Считается, что его можно дать в любой день поста, но надо успеть до праздничного намаза (адыг. *Ид-нэмаз*). Он исчисляется обычно с того вида зерна, которым питаются в основном в данной местности; с одного человека взимается стоимость около 2 кг зерна (15–20 руб.). Как правило, фитр целенаправленно не собирается, каждый вычисляет его сумму сообразно количеству душ в семье (находящихся на иждивении у хозяина, иногда сюда же включают и гостей) и распределяет так же, как и обычную милостыню среди нуждающихся (ПМА 2). Интересно, что никем данный процесс не контролируется. Одна из жительниц аула Хатукай, например, при исчислении суммы фитра приплюсовывает к членам семьи также и своих коров, считая, что они – тоже живые существа, и за них также следует выделять милостыню. В Кошехабле принято раздавать фитр в основном среди родных и близких (ПМА 1).

Распространены также и другие посты. Перед Праздником жертвоприношения следует поститься в течение девяти дней. Особо богобоязненные люди каждый месяц (по лунному календарю) держат 9-дневный пост: в начале месяца, 13, 14, 15 числа и в конце месяца, ссылаясь на то, что в эти дни постился Пророк. Некоторые постятся в течение шести дней после уразы – данный обычай называется "проводы уразы". Считается, что этот пост приравнивается к годовому или даже к 100-летнему посту (ПМА 2). Постятся также в день *ашурры* – 9 и 10 (или 10 и 11) мухаррама по лунному календарю. Менее распространенные посты – в "месяц Аллаха" Раджаб (по три дня в начале, середине и конце месяца), в "месяц Пророка" шаабан (по три дня в начале и середине месяца; рамадан считается месяцем всех мусульман). В месяц зиль-хиджжа некоторые держат 10 дней поста (ПМА 1, ПМА 2). Естественно, тех, кто соблюдает многочисленные дополнительные посты, – единицы. Наиболее скрупулезно многочисленных постов придерживаются молодые мусульмане.

Закият. Закият (адыг. *зэкият*, карачаево-балкар. *зекят*) – важный столп ислама, который лежит в основе исламской социальной доктрины. В годы советской власти среди северокавказских мусульман практика целенаправленного сбора и распределения закията среди тех категорий населения, ради которых он собирается, была совершенно утеряна. Однако многие, несмотря ни на что, знают о существовании этой

обязанности и по мере сил и возможностей стараются ее выполнять. Конечно, целенаправленного и организованного сбора закята в республиках Северного Кавказа нет. Закят не поступает ни в духовные управления, ни к эфенди и имамам. Мусульмане высчитывают его обычно с урожая, выделяя из него 10% именно для закята (ПМА 2). Иногда в качестве закята выделяют и раздают часть своего урожая крупные арендаторы, также поступают и некоторые из тех, кто имеет свои приусадебные участки. При раздаче закята предпочтение отдается нуждающимся родственникам (ПМА 1).

В городах закят подсчитывать труднее, поскольку он должен выплачиваться со всех денежных единиц, золота и серебра, а также оборотных средств в случае, если человек занимается предпринимательством (Аляутдинов 2001: 268, 270). Скорее всего поэтому в городах пока еще люди не очень хорошо ориентируются в отличиях закята от *садаки* (адыг. *сэдакъя*, карачаево-балкар. *нафиле садакъя*). Для выделения садаки нет определенного времени, ее можно давать и просто согласно внезапному побуждению. Обычно садака дается малоимущим, инвалидам, сиротам, детям. В Черкесске, например, многие мусульмане дают садаку пациентам местной психбольницы (ПМА 2). Чаще всего побудительной причиной для выделения садаки служит беспокойство за своих родных – живых или умерших. За последних садаку дают в случае, если они привиделись кому-нибудь во сне. Естественно, больше всего садаки выделяется во время исламских праздников (ПМА 1).

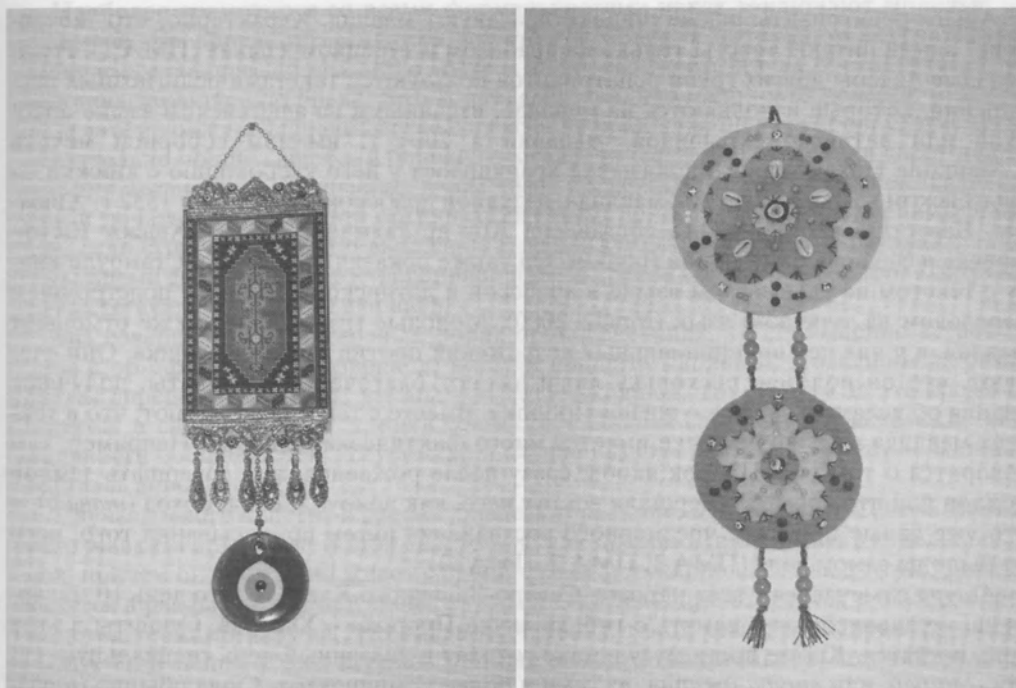
Хаджж. Пятый столп ислама – паломничество в Мекку – так и не стал популярным среди населения. Например, к концу 2003 г. в Адыгее насчитывалось всего около 50 хаджжи (ПМА 1). В среднем в каждом адыгейском ауле имеется лишь два-три хаджжи. Есть такие населенные пункты, в которых нет ни одного хаджжи, например, в ауле Хатукай Красногвардейского р-на Адыгеи. Несколько лучше дела обстоят в Карачаево-Черкесии – оттуда в 2005 г. в хаджж отправилось чуть больше 100 человек (ПМА 2).

Хаджж организуют духовные управления мусульман. В той же Адыгее хаджж организуется обычно за счет спонсорской поддержки. Для того чтобы совершить его и выполнить все обряды, жителю Северного Кавказа необходимо иметь около 2 тыс. долл. (ПМА 1, ПМА 2). Для региона, переживающего в экономическом плане не самые лучшие времена, это, конечно, огромная сумма. Паломники из Адыгеи наиболее часто используют следующие маршруты: Майкоп – Москва – Амман – автобусом до Мекки; Майкоп – Минеральные Воды – Арабские Эмираты – автобусом до Мекки; Майкоп – Беслан – Джидда; имеется также маршрут из Краснодара (ПМА 1).

Исламские праздники и памятные даты. Мусульмане региона широко празднуют два главных праздника – *Къурман бирам*, *Къурман байрам* (Жертвоприношение) и *Ораза бирам*, *Ораза байрам* (Разговение). Ораза-байрам длится три дня после окончания поста. Как правило, режут и птицу, и скот. Там, где есть мечеть, совершается праздничный намаз, читают Коран. В мечети в праздничный день собирается, как правило, значительная часть жителей аула, в том числе женщины. Многие приходят послушать праздничную проповедь и продемонстрировать свою принадлежность к мусульманской общине. Считается, что в этот день хорошо проведать больных, готовить сладости, ходить в гости, посетить кладбище (ПМА 1).

Курман-байрам отмечается через два месяца и 10 дней после окончания поста. Праздник длится четыре дня. Можно приносить в жертву четыре вида животных: верблюда, теленка, козу, овцу. Первые два – от семи до десяти семей, последние – от одной. Считается, что жертвенное мясо можно давать и христианам, но желательно все же мусульманам. Вообще мясо курмана делят на три части: одну – бедным, другую – соседям, а третью – своей семье (ПМА 2).

На Курман-байрам утром совершается намаз, затем верующие идут к родственникам поздравить их с праздником, кто-то идет на кладбище. Перед байрамом принято

Талисманы из Турции в кафе "Дышепс", принадлежащем адыгам-репатриантам (г. Майкоп). Фото автора, 2005 г.

поститься, читать 1000 раз *кульху* (112-ю суру Корана). Бытует представление, что после этого все грехи прощаются (ПМА 1).

Интересно, что в ауле Блечепсин Кошехабльского р-на проводится обряд жертвоприношения (*кѣурмен*), не имеющий никакого отношения собственно к празднику жертвоприношения. Проводится он, по словам местного имама, "в конце года, в мае, в благодарность за то, что год прожили благополучно. Для аула, для себя, что мы – живые, чтобы всем было хорошо" (ПМА 1, М. Хафицев). Аул делится на пять джамагатов (бригад), каждый из которых покупает 500–600-килограммового бычка – мясо его распределяется среди всех. Местный колхоз тоже приносит в жертву одного бычка, и его делят на пять частей и раздают всем бригадам.

Другой популярный на Центральном и Северо-Западном Кавказе праздник – *мавлид* (*мэулид*, *мулид*, *мувлид*, *маулюд*, *маулт*), день рождения Пророка Мухаммада. Информанты, как правило, отмечают, что ныне этот праздник, по сравнению с прежними временами, отмечается реже (ПМА 1, ПМА 2, ПМА 3, ПМА 4). Порядок проведения мавлида может различаться даже в соседних аулах. Он проводится, как правило, по самым разным поводам, не обязательно связанным с месяцем рождения Пророка, например, в связи с поминками, свадьбой, когда человек долго болел и поправился, в случае просьбы о пролитии дождя и т.д. (ПМА 1, ПМА 2).

В основном мавлид отмечают в течение всего месяца раби аль-авваль, а также в другие месяцы. В пятницу в начале месяца рождения Пророка этому празднику бывает посвящена хутба, имамы рассказывают о Пророке. Вообще в мавлид принято читать поминания Бога на арабском языке (араб. – *зикр*, адыг. – *зэклир*, ногайск. и карачаево-балкар. – *зикир*). Карачаевцы отмечают мавлид именно в день рождения Пророка в мечетях. В отличие от остальных, карачаевцы не садятся в круг, а сидят в ряд (ПМА 2).

Адыги-репатрианты также широко празднуют мавлид. Характерно, что "косовские" адыги читают тексты только на арабском и турецком языках (ПМА 1). Религиозные лидеры других групп репатриантов пользуются текстами религиозных песнопений, которые исполняются на мавлиде, изданными на адыгейском языке арабской или латинской графикой. Бывший в 2004 г. имамом соборной мечети г. Майкопа Нихад-хаджи показывал хранящуюся у него ксерокопию с книжки на адыгейском языке с текстами мавлида, изданной арабской графикой в 1332 г. Хиджры. Известно, что эта книга составлена Абд ар-Рахманом ибн ал-Хаджж Юсуф-эфенди и Закарья-эфенди ибн Якубом. Он также показал изданную в Стамбуле книгу с текстом на адыгейском языке в арабской и латинской графике с подстрочным переводом на турецкий язык (*Nawko* 2000). Молодые мусульмане также отмечают мавлид, и у них нет принципиальных возражений против этого праздника. Они считают, что он полезен, поскольку люди читают благочестивые тексты, получают знания об исламе и узнают о жизни Пророка. Вместе с тем они отмечают, что в текстах мавлида на родном языке имеется много фактических ошибок. Например, там говорится о том, что Пророк якобы сразу после рождения стал совершать земной поклон или что ангелы совершали вокруг него, как вокруг Каабы, обход (*таваф*), а это уже явные признаки чрезмерного восхваления путем приписывания того, чего не было на самом деле (ПМА 1, ПМА 2, ПМА 4).

Ашура отмечается у всех народов Северо-Западного Кавказа. Это день 10 мухаррама, установленный в память о гибели внука Пророка – Хусейна. Сунниты в этот день постятся. Кроме поста мусульмане готовят в указанный день специальную кашу – *ашрай*, или *ашура-джирна*, из семи и более компонентов. Сюда обычно (в разных вариациях) входят кукуруза, пшеница, рис, перловка, ячневая крупа, фасоль, масло, лук, перец, молоко, вода, соль. В кабардинских, балкарских и карачаевских аулах немного оставляют в сушеном виде мяса от курмана и добавляют его мелкими кусками (ПМА 1, ПМА 2). Бытует два объяснения того, почему такие разные компоненты используются в каше: 1) от арабского слова *ашура*, что в переводе означает "десять" (поэтому и компонентов должно быть десять), 2) в связи с Нухом: он приплыл после потопа к дереву джуди, там собрали все съестное, что осталось в ковчеге, сварили, но был пост; вечером этой кашей разговелись – именно поэтому, якобы, в ашуру варят кашу из столь разных компонентов (ПМА 1). Как правило, все компоненты каши *ашрай* приготавливаются отдельно, а затем соединяются в одном блюде. Приготовленную кашу принято раздавать соседям.

Прочие обряды и традиции. На Центральном и Северо-Западном Кавказе *неках* – обряд мусульманского бракосочетания (*нэчыхъ*) – до недавнего времени совершали в основном кабардинцы, причем у них эта традиция поддерживалась и в советское время. В кабардинских аулах обряд бракосочетания проводится следующим образом. Эфенди трижды спрашивает у обоих молодоженов (при двух свидетелях от каждой из сторон) согласия на брак, и трижды они должны подтвердить свое согласие. Потом читается молитва. Когда читается молитва, присутствующие на бракосочетании гости держат руки молодоженов так, чтобы их большие пальцы правой руки касались друг друга, причем палец жениха располагается выше, чем палец невесты (ПМА 1). Этот обряд проводится обязательно до регистрации брака в загсе и до первой брачной ночи. Сегодня духовные управления мусульман разработали и напечатали бланк свидетельства о заключении брака, но иногда эфенди и сами от руки заполняют такие свидетельства, являющиеся по сути брачным договором. Частью этого договора является *махр*. Многие мусульмане путают махр и калым. Путаницу усугубляет также то, что на бланке, выпущенном Духовным управлением мусульман Адыгеи и Краснодарского края, махр (адыг. *нэчыхъэ уасэр*, араб. *махр*) назван в русском переводе "калымом".

Наиболее грамотно и со всеми формальностями неких заключают молодые мусульмане. На обряде объясняются все столпы брака, в небольшом вступительном слове имам говорит об исламе, о муже и жене, выясняет, нет ли обстоятельств, мешающих заключению брака. Затем разъясняется, что махр – это подарок мужа жене, а затем трижды испрашивается согласие на брак каждой из сторон. Сумма махра обязательно прописывается в бланке (иногда в качестве махра женихи дарят движимое или недвижимое имущество, в том числе и квартиры). Бланк скрепляется подписью и печатью религиозной организации (ПМА 1). Эти бланки незаменимы в случае, если супруги совместно выезжают в исламскую страну – там не признают за мусульманами документов о государственной регистрации брака без брачного контракта, соответствующего нормам шариата.

Раз совершается религиозный обряд бракосочетания, то естественно встает вопрос и об оформлении развода по нормам шариата (*толакь*). Подавшим на развод дается определенный срок, имамы и эфенди ожидают, что супруги за это время помирятся и снова согласятся жить совместно. Иными словами, все исламские формальности соблюдаются. Имущество в случае развода делится так, чтобы женщина осталась довольна (ПМА 1).

Случаев многоженства в рассматриваемом регионе, в отличие от Северо-Восточного Кавказа почти нет. Жены двоеженца, как правило, проживают в отдельных домах, причем он постоянно живет с одной из них, регулярно посещая другую. Дети находятся в разных домах при своих матерях. Окружающие относятся к случаям двоеженства терпимо, считая, что главное, чтобы в такой семье все мирно уживались (ПМА 1). В целом у всех народов региона скорее отрицательное, чем нейтральное, отношение к многоженству.

Похоронно-поминальная обрядность. В похоронно-поминальной обрядности причудливо переплетаются исламские и народные традиции. Поминки у народов Центрального и Северо-Западного Кавказа проводятся обычно на 7-й, 40-й дни и в годовщину со дня смерти. На 52-ю ночь читается специальная молитва (карачаев. *кемик дуа*), которая, по представлениям верующих, облегчает страдания покойного, переживаемые им в это время при отделении суставов (ПМА 2). Как правило, молодые мусульмане не одобряют проведения указанных поминок (кроме первых трех дней). Следует сказать о взвешенном подходе большинства имамов к данной проблеме. Они считают, что, согласно религиозным правилам, положено проводить поминальные обряды только три дня, но исторически сложилась совсем иная традиция. Последнюю не так просто изменить, поэтому необходимо некоторое время с ней мириться: ходить на поминки в указанные выше дни, но при этом разъяснять правильный порядок проведения поминок. Молодежные лидеры непримиримо относятся к практике посещения поминок имамами. Они считают, что запрещать проведение поминок на 7-й, 40-й дни и в годовщину и в то же время приходить в дома для проведения обрядов – большая ошибка (ПМА 1, ПМА 4).

На поминках эфенди читает Коран (адыг. *Къурлан хытым*); обязательно разнообразное угощение. На 7-й или 40-й дни раздают людям не менее 41 пакета (в каждом из них находится 1 кг пшена, макарон, пачка масла или же 1 кг мяса) или угощение в кулечках или сумках (именно поэтому в свое время в Карачаево-Черкесии молодые мусульмане называли стариков *сумкачу*, что в переводе означает "сумочник"). Существует поверье, что иначе покойников не примут на том свете. Адыгейцы также верят, что когда наступает 40-й день, то кости расходятся, а на 52-й день душа долетает до неба и ей надо иметь 41 кусок халвы, потому что на душу налетают птицы и гонятся за ней, а покойный, чтобы отвлечь их, должен кидать им халву (ПМА 1).

Обмывание. Обмывают специально этим занимающиеся люди, мужчин – мужчины, женщин – женщины. Обмывают на специальном столе, сооруженном с таким уклоном, чтобы вода стекала в корыто. Затем воду выливают там, где не ходят лю-

ди. При обмывании надевается рукавица и используется мыло, натертое на мелкой терке. *Тахару* (малое омовение) покойному делают уже без рукавицы (ПМА 2).

Молодежные религиозные лидеры выступают против того, чтобы обмывание покойников проводили специализирующиеся на этом люди. Они считают, что покойного в последний путь должны готовить его родственники, а иначе весь этот процесс коммерциализируется и отягощается сплетнями о покойном (ПМА 1).

Кладбище. Похороны. Раньше на могилах ставили металлические ограды, теперь не разрешают этого делать. Наблюдаются также изменения в порядке захоронения: если прежде на кладбище на том или ином участке хоронили людей, принадлежавших к одной фамилии, то ныне хоронят всех умерших без разбора, что находит широкую поддержку. Надписи на надгробных памятниках делаются как на русском, так и на родном языке. В Адыгее надписи на арабском на многих надгробиях отсутствуют. На кладбищах можно видеть много фотографических изображений, хотя эфенди и имамы настоятельно просят не помещать их на надгробия.

Некоторые молодые мусульмане занимают довольно жесткую позицию относительно похорон некоторых верующих. Например, в ауле Тахтамукай имам и джамат мечети ходят на похороны только к тем, кто посещал мечеть. При этом они отмечают, что если человек не читал Коран, не совершал намаз и т.д., не следует идти на его похороны, а по большому счету – и хоронить такого человека не надо на мусульманском кладбище. Старшее поколение настроено более лояльно, считая, что не стоит таким образом наказывать покойных, поскольку сам Аллах с ними разберется (ПМА 1).

В балкарских, кабардинских, карачаевских, ногайских и некоторых адыгейских аулах проводится обряд *деур* – своеобразное искупление грехов покойного, а точнее, не исполненных им обязанностей перед Богом: молить, поста и т.д. Этот обряд также отражен в исламских книгах, в которых он известен как *искъат*, или *фидия*. Раньше обряд проводился сидя в кругу: каждый садившийся в круг говорил, что берет часть грехов покойного на себя, а затем между всеми участниками делились собранные деньги. Сегодня эфенди под влиянием, скорее всего, грамотных репатриантов решили, что никто не имеет права просто так сесть в круг и взять на себя искупление грехов покойного – это *харам* (запрещено). Сегодня, как правило, читают Коран, а средства, выделенные на деур, распределяют среди бедняков. В адыгейском ауле Блечепсин эта сумма составляет около 300 руб., а в ауле Джерокай – не свыше 500 (ПМА 1).

Обрезание. Обряд обрезания (*суннет*) имеет довольно интересную историю бытования на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Он был распространен среди адыгов до революции, но в годы советской власти оказался практически искоренен. Сегодня предпринимаются энергичные попытки данный обряд возродить, но они не везде успешны. Например, в городской среде суннет вошел даже в моду. В конце 1990-х годов врачи из Турции и Сирии (в основном адыги) делали эту несложную операцию всем желавшим, даже 60-летним мужчинам (ПМА 1). А ныне в городах и селах появились свои хирурги. Вместе с тем большинство мужчин в сельских районах не делает, и что самое интересное, не желает делать обрезание ни себе, ни своим детям и внукам. Как правило, имамы и эфенди понимают, что необрезанный мусульманин считается не совсем "чистым" (в ритуальном плане), но некоторые из них, будучи сами необрезанными, и не собираются исправлять это положение. В ряде аулов вопрос об обрезании даже не поднимается местными жителями, хотя его постоянно ставят репатрианты. Самый главный аргумент против обрезания: "Мы не хотим, потому что в Коране этого нет" (ПМА 1). Молодые мусульмане считают эту операцию практически обязательной, поскольку это пример Пророка. Причем они считают хорошей традицию одаривания мальчика, подвергнувшегося обрезанию (ПМА 4).

Имена. Вопрос об именах весьма любопытен, поскольку то, какие имена люди дают детям, свидетельствует о том, какая культура им ближе. На Северо-Западном Кавказе в годы советской власти сложилось положение, когда исламские и даже национальные имена были практически вытеснены русскими или интернациональными именами. Во многих населенных пунктах эта практика продолжается до настоящего времени (ПМА 2). Имя выбирают родители отца ребенка. С эфенди в ряде местностей не советуются, возможно, поэтому исламский именованный был так быстро забыт. Молодые мусульмане стремятся давать детям имена из Корана, просят даже имамов составить списки коранических имен (ПМА 1). Очень многое в выборе имени зависит от того, есть ли в семье верующие старики. Исламский обряд наречения именем, за редкими исключениями, в основной массе мусульман в рассматриваемом регионе не практикуется (ПМА 1, ПМА 2).

Иная ситуация среди репатриантов, чеченцев и дагестанцев. Репатрианты в подавляющем большинстве своем носят исламские имена, причем у "косовских" адыгов они произносятся на турецкий манер³. Для репатриантов, конечно, обилие "Юриев" и "Светлан" среди адыгейцев не совсем привычно. Иногда адыгейцы под влиянием репатриантов меняют свои имена на исламские. Чаще всего так случается, когда адыгейка выходит замуж за репатрианта. Например, супруга имама г. Адыгейска Неджмедина Абази сменила имя Оксана на исламское (ПМА 1).

Итак, хотя между носителями народного ислама и ислама нового, молодежного, имеются иногда принципиально разные подходы к обрядовой сфере, можно сказать, что их взаимоотношения не являются однозначно конфронтационными. После первоначальных конфликтов во всех республиках региона молодежи и старшему поколению удалось достичь мирного сосуществования. Однако, говоря об исламе на Центральном и Северо-Западном Кавказе, никак нельзя обойти проблему существования немногочисленных, но достаточно агрессивных экстремистских группировок, в основном молодежных по своему составу. Как правило, они называются ваххабитскими. Рассмотрим их идеологию и практику.

Проблема религиозно мотивированного экстремизма

Идеология ваххабитов Северного Кавказа содержит много экстремистских положений. Общины ваххабитов не представляли и не представляют собой единый джамаат с единым руководством. Возможно, такая форма существования в виде фактически автономных общин продиктована целями экстремистов. Такие ячейки создают сеть, мало уязвимую для правоохранительных органов: уничтожая отдельные ячейки, власть имеет мало шансов ликвидировать всю сеть. Это подтверждает пример борьбы с экстремистами в Дагестане и Ставропольском крае: несмотря на то, что там были схвачены или уничтожены наиболее видные лидеры и активисты ваххабитских общин, они продолжают действовать и развивать свою подпольную сеть.

Итак, какова же идеология экстремистов? Основу их вероучения составляет требование всестороннего проведения в жизнь принципа *тавхида* (единобожия). Это требование восходит к буквалистскому пониманию данного принципа с весьма жесткими ограничениями. В обнаруженных мной в 1999 г. в Дагестане конспектах ваххабита говорится: «Большинство мусульман, которые очень часто повторяют "нет божества кроме Аллаха", не знают искренности, смысла или делают это по традиции или обычаю. Большинство их деяний – это подражание и следование примеру, и они больше всех относятся к высказыванию Всевышнего Аллаха в Своем Писании: "Мы нашли наших отцов держащимися такого учения, и мы следуем по их стопам"» (ПМА-Конспекты)⁴. Иными словами, здесь признается, что большинство мусульман, во-первых, не относится к числу искренне верующих, во-вторых, считает себя мусульманами "по привычке", в-третьих, их ислам прежде всего "наследственный".

Основой идеологии ваххабитов Кавказа является признание источниками верования только Корана и достоверной, как они подчеркивают, сунны. В конспектах ваххабитского студента говорится: "Мусульмане должны искренне принять учение Ислама, воплощенное в Священном Коране – Слове Аллаха и Сунне – высказываниях пророка Мухаммада" (ПМА-Конспекты). Отсюда – призыв к очищению ислама от "недозволенных новшеств" (*бида'*), которыми, по их мнению, "оброс" ислам на Северном Кавказе. Они резко выступают против многих обычаев и обрядов, укоренившихся среди местных мусульман: цикл поминальных обрядов, включающий чтение Корана по усопшему, проведение обряда выкупа грехов покойного (деур), раздачу милостыни на кладбище, празднование мавлида (дня рождения пророка Мухаммада) и т.д. Однако наиболее непримиримо ваххабиты настроены против местного суфизма и связанного с ним культа святых. Почитание шейхов, зикры, посещение могил святых шейхов (*зийарат*) и многое другое из практики последователей местных тарикатов ваххабиты считают признаком их глубочайшего и осознанного заблуждения, многобожием (*ширк*) и неверием (*куфр*). Хотя на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа непримиримая вражда к суфизму со стороны местных ваххабитов не особенно актуальна, следует все же иметь в виду, что в неверии обвиняются не только последователи тарикатов; неверными ваххабиты объявляют всех мусульман, которые не разделяют их точки зрения. Выход для них один: они обязаны, покаившись, снова принять ислам: "Мусульманин, совершивший хотя бы одно из этих (деяний, т.е. почитание шейхов, празднование мавлида и т.д. – А.Я.), должен обновить свой Ислам, сделав Тавба (покаяние. – А.Я.) вновь принять Ислам, т.к. перечисленное является выходом из Ислама или тягчайшим грехом" (ПМА-Конспекты).

Идеологи ваххабизма отводят одно из ведущих мест джихаду, понимаемому как вооруженная борьба за веру. В конспектах ваххабита говорится: "Ислам – религия Джихада и жизни. Ислам предписывает каждому мусульманину не щадить ни своего имущества, ни своих сил во имя победы Ислама" (ПМА-Конспекты). Иными словами, ведение джихада кавказские ваххабиты считают обязанностью каждого мусульманина. Например, в 1999 г., объявляя о "восстановлении исламского государства Дагестан", "Исламская Шура Дагестана" прямо указала, что "Джихад в Дагестане является фарзом-Айн (т.е. личной религиозной обязанностью. – А.Я.) для каждого мусульманина" (Гаджиев 2004: 262). При этом они считают, что сегодня джихад обязательно принимает форму вооруженной борьбы против врагов ислама. Один из крупнейших российских идеологов кавказского ваххабитского движения Багаутдин Кебедов эту идею проводил последовательно и методично: призывами к ведению вооруженной борьбы с "безбожниками" полны не только его проповеди и сочинения, но и такая, казалось бы, далекая от идеологических споров литература, как учебники арабского языка. В составленном Б. Кебедовым учебнике арабского языка первого года обучения в текстах для перевода на арабский язык можно заметить массу экстремистских выпадов. Например, такой: "Мы воюем с гяурами, и гяуры воюют с нами постоянно. Сегодня они обладатели силы и обладатели многочисленного оружия, но мы – обладатели имана (веры. – А.Я.), вот поэтому мы непременно победим, у нас – Аллах, а у них – сатана" (Багауддин 1992: 173–174).

Итак, экстремистскими являются два основных положения учения ваххабитов на Северном Кавказе: во-первых, о том, что несогласные с их интерпретацией ислама – это отошедшие от ислама, во-вторых, о вооруженном джихаде против неверных. К сегодняшнему дню практически все ваххабитские общины на Северном Кавказе оказались в подполье. В 1999 г. ваххабизм был законодательно запрещен в Дагестане, а в Ставропольском крае и других регионах распространения ваххабизма его последователи целенаправленно преследуются силовыми структурами. И без того изначально нацеленные на ведение вооруженной борьбы экстремистские группировки

перешли к практическому воплощению в жизнь своих идеалов. Значительная часть ваххабитов оказалась в рядах чеченских сепаратистов и продолжает пополнять их. Этому способствовало то, что конце 1997 г. в Чечню со своими сторонниками переселился идеолог движения Б. Кебедов. Реальная ситуация такова, что из некоторых районов, в том числе Центрального и Северо-Западного Кавказа, молодые люди уходят и пополняют ряды сепаратистских отрядов. Через бойню в Чечне прошли и многие молодые мусульмане из восточных районов Ставропольского края.

В течение последних двух лет определились главные ориентиры экстремистского подполья на Северном Кавказе. Первый – месть правоохранительным органам за их действия в годы активной фазы борьбы с ваххабизмом (1999–2000 гг.). Милиционеры – одна из главных мишеней террористов. Второй – продолжение поддержки вооруженного сопротивления в Чечне. Третий – поддержание общего фона нестабильности на территории северокавказских регионов путем проведения разнообразных актов устрашения. Самое главное состоит в том, что все эти акты находят свое "логическое" обоснование. Во время актов террора страдают люди, абсолютно не имеющие отношения к органам власти. Экстремисты считают, что члены семей милиционеров и других представителей власти могут также уничтожаться, поскольку добровольно остаются с ними, а значит, поддерживают их позицию. Истинный мусульманин, по мнению экстремистов, должен отказаться от таких родственников. Те же, кто случайно гибнет при актах террора, якобы станут шахидами и попадут в рай, что является благом для них.

Экстремизм северокавказских ваххабитов – огромная проблема. Ее трудно решить путем переговоров, поскольку сама идеология ваххабитов не предполагает переговоров с "безбожниками". Государство, основанное на человеческих законах, по их мнению, должно быть разрушено. В мире должны господствовать только божественные законы, как они полагают. Если мусульманские радикалы считают западную демократию благом, дающим возможность в честной борьбе убедить население в правильности своего видения дальнейшего развития общества, то экстремисты видят в демократии зло. Демократия, по мнению последних, – это человеческая выдумка, изначально вредная, поскольку не согласуется с ясными божественными установлениями об устройстве общества. Понятно, что проблема экстремизма имеет только комплексное решение: это и безусловное применение силы в разумных пределах, и в немалой степени лишение экстремистов социальной базы путем развития экономики, повышения благосостояния населения, развития нормального диалога в исламской общине региона благодаря привлечению к сотрудничеству значительной части мусульманской молодежи, отвергающей экстремизм.

Таким образом, на Центральном и Северо-Западном Кавказе сложилась своеобразная локальная форма бытового ислама, сторонниками которого являются в основном представители старшего поколения. Несмотря на то, что многие обычаи и обряды народного ислама не нравятся молодым, или новым мусульманам, они выступают против конфронтации и занимаются в основном просвещением мусульман. Вместе с тем местные экстремисты абсолютно не настроены на компромисс, считая свою позицию истиной в последней инстанции. Для них построение на земле общества, живущего по божественным законам, – ясное повеление Всевышнего, которое подлежит воплощению без промедления. К сожалению, годными для этого признаются практически все методы, что представляет большую опасность и для светских людей, и для верующих мусульман, которые страдают от экстремистов, прикрывающихся религиозными мотивами.

Примечания

¹ Сами новые мусульмане называют их в Кабардино-Балкарии "этническими мусульманами", имея в виду, что они мусульмане лишь по рождению, так сказать, "по этнической традиции".

² Икама – второй призыв на молитву, читаемый муэдзином или лицом, замещающим его, непосредственно перед совершением молитвы.

³ С их именником можно ознакомиться, просмотрев списки репатриантов из Косово, опубликованные в: *Чемсо* 2000: 171–179.

⁴ Здесь и далее текст приводится по конспектам, хранящимся в личном архиве автора, с небольшой пунктуационной правкой. Хотя часть этих конспектов издана, но, поскольку часто цитируются неизданные части, я буду ссылаться на свой архив.

Источники и литература

- Аляутдинов* 2001 – *Аляутдинов Ш.* Путь к вере и совершенству. М., 2001.
- Бабич* 2003 – *Бабич И.Л.* Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // *Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.
- Багауддин* 1992 – *Багауддин Мухаммад.* Учебник арабского языка. Первый год обучения. М.: Сантлада, 1992.
- Валиулла* 2005 – *Валиулла Я.* Татары в мусульманской умме России: потери, проблемы, перспективы // *Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Матер. конф. Казань, 2–3 июня 2004 г.* / Под ред. А. Малашенко. М., 2005. С. 51–57.
- Гаджиев* 2004 – *Гаджиев Р.Г.* Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный, 2004.
- Гольдциэр* 1938 – *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М., 1938.
- Кавказ* 2005 – "Кавказ наступает" // *Время новостей.* 2005. № 214. 17 нояб.
- Кефели-Клай* 2005 – *Кефели-Клай А.Н.* Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 539–569.
- ПМА-Конспекты – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Дагестан в августе–сентябре 1999 г. Личный архив автора. Тетрадь "Конспекты ваххабита".
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Адыгея в марте 2004 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Адыгея, Республику Дагестан, Карачаево-Черкесскую Республику, Кабардино-Балкарскую Республику и Ставропольский край в августе–сентябре 2005 г.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кабардино-Балкарскую Республику в феврале 2003 г.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Республику, Кабардино-Балкарскую Республику, Минераловодский и Нефтекумский районы Ставропольского края в апреле–мае 2000 г.
- Рамазанов, Бобровников* 1995 – *Рамазанов Р., Бобровников В.* Святые-чудотворцы в народном исламе Южного Дагестана (на материалах аула Шиназ) // *Дагестан: село Хуштада.* М., 1995. С. 132–144.
- Чемсо* 2000 – *Чемсо Г.* Возвращение: Исторический очерк. Майкоп, 2000.
- Шихсаидов* 1969 – *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.
- Nawko* 2000 – *Gerkesçe Mevlid (Adige Mevlid) / Hazırlayan A. Nawko.* İstanbul, 2000.